

Михаил Агапов

«Мы верим гению Петра Великого»:

ПЕТРОВСКИЙ МИФ РОССИЙСКИХ
«РЕВНИТЕЛЕЙ СЕВЕРА» 60—70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Mikhail Agapov

“We Believe the Genius of Peter the Great”: The Peter’s Myth of the Russian
“Zealots of the North” of the 60s—70s of the 19th Century

Михаил Агапов (Тюменский государственный университет, Центр урбанистики, ведущий научный сотрудник; доктор исторических наук)
m.g.agapov@utmn.ru.

Ключевые слова: политический язык, публичная история, историческое воображение, миф

УДК: 94(470+571)+329

DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_145

В статье предлагается реконструкция петровского мифа как центрального пункта исторического, политического и экономического воображения группы российских предпринимателей и общественных деятелей 60—70-х годов XIX века, известных как «ревнители Севера». Раскрывается связь между сконструированным ими образом Петра I и их политическим языком и системой аргументации. Делается вывод, что обращение к деяниям Петра I было для «ревнителей Севера» одним из способов риторической инструментализации своих аргументов. В условиях, когда институциональные основы общественной жизни в Российской империи только формировались, дефицит концептуальных понятий и риторических приемов восполнялся обращением к истории, из которой заимствовался язык для обсуждения актуальных общественно-политических проблем.

Mikhail Agapov (Dr. habil.; Leading Researcher, Center for Urban Studies, University of Tyumen)
m.g.agapov@utmn.ru.

Key words: political language, public history, historical imagination, myth

УДК: 94(470+571)+329

DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_145

The article proposes a reconstruction of the Peter’s myth as a central point of the historical, political and economic imagination of a group of Russian entrepreneurs and public figures of the 60s—70s of the 19th century, known as the “zealots of the North”. The connection between the image of Peter I constructed by them and their political language and system of argumentation is revealed. It is concluded that the appeal to the deeds of Peter I was for the “zealots of the North” one of the ways of rhetorically instrumentalizing their arguments. In the conditions when the institutional foundations of public life in the Russian Empire were just being formed, the lack of conceptual concepts and rhetorical devices was made up by turning to history, from which language was borrowed for discussing current socio-political problems.

Целью этой статьи является реконструкция петровского мифа как центрального пункта исторического, политического и экономического воображения «ревнителей Севера» 60—70-е годы XIX века. В частности, нас интересует связь между сконструированным ими образом Петра Великого и их политическим языком, то есть набором определенных идиом, риторик, грамматик и категорий [Покок 2018: 179], и системой аргументации. Опираясь на принципы Кембриджской школы интеллектуальной истории, мы фокусируемся на рассмотрении ряда коммуникативных актов, осуществлявшихся в конкретных случаях посредством конкретных высказываний, а также на выявлении отношений между конкретным высказыванием и более обширным социальным контекстом [Скиннер 2018: 110].

«Ревнителями Севера»¹, «ходатаями за Север»², «стражами интересов Севера России»³ или даже «северными умами»⁴ во второй половине XIX — начале XX века в России называли неформальную общественную группу, ядро которой составляли купцы-золотопромышленники: В.Н. Латкин (1809—1867), М.К. Сидоров (1823—1887), А.К. Трапезников (1821—1895) и А.М. Сибиряков (1849—1933), в рассматриваемый период вложившие значительную часть своих сил и средств в промысловое и транспортное освоение северных пределов России⁵. Они инвестировали свои капиталы, часто объединяя их, в экспорт таких высоколиквидных, но труднодоступных и труднотранспортируемых северных «сырых произведений», как лиственничный лес, каменный уголь и графитная руда. Зона их деловых интересов простиралась от Печоры до Енисея. Эти предприниматели рассчитывали извлечь прибыль из включения севера страны в «круг торговой деятельности государства»⁶ и экспорта «естественных произведений Севера» тем путем, который позже стал называться Северным морским⁷. Представители первого поколения «ревнителей Севера» (Латкин и Сидоров) в итоге разорились. Крах известных золотопромышленников уже их современниками представлялся как жертва, принесенная во благо национальных интересов⁸. Такой подход к оценке их деятельности закрепился и в совет-

1 [Студитский Ф.Д.] История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. Ч. 1. СПб.: Тип. Д.И. Шеметкина, 1883. С. 1.

2 Беседы о Севере России в 3 Отделении Императорского Вольного экономического общества по докладам: В.Л. Долинского (1, 4, 5 и 6-й); В.Н. Латкина (2-й) и М.К. Сидорова (3-й). СПб.: [Б. и.], 1867. С. 40.

3 [Зенов П.М.] Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера России. Пг.: Морское министерство, 1916. С. 16.

4 [Жилинский А.А.] Россия на севере: (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск: Изд-во комитета по увековечиванию памяти М.К. Сидорова, 1918. С. 3.

5 Эти прозвища не были, как может сейчас показаться, ироничными. Библейский словарь Ф.А. Брокгауза в статье «Ревность» сообщает: «Р[евность] человека — это проявление страсти, чаще всего греховных (Песн 8:6). Но Библия известны и самоутверженная Р[евность], и Р[евность] (усердие) в добрых делах (Гал 4:18)» (Библейская энциклопедия Брокгауза // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_bible/3507 (дата обращения: 28.07.2024)). Именно в последнем значении слово «ревность» и его производные использовались в рассматриваемом случае. «Мир твоему праху, неустанный ревнитель Севера», — написал в некрологе М.К. Сидорова главный редактор журнала «Русское судоходство» М.Ф. Мец в июле 1887 г. (цит. по: [Зенов П.М.] Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера России. С. 14). «Известным ревнителем Севера» называл М.К. Сидорова советский исследователь Арктики В.Ю. Визе ([Визе В.Ю.] Моря советской Арктики: Очерки по истории исследований. М.; Л.: Главсевморпуть, 1948. С. 142). Наконец, наши персонажи и сами характеризовали свою деятельность как «ревность». Например, в докладе на собрании III (политической экономии и сельскохозяйственной статистики) Отделения Императорского вольного экономического общества в марте 1867 года В.Н. Латкин говорил: «Мы изыскиваем способы к развитию нашего мореплавания, и для этого собираемся беседовать; ревнующие этому делу, как и я в настоящую минуту, утомляем ваше внимание рассказом, что делалось другими странами для развития и процветания торговых у них флотов, чтобы следовало принять и нам для этого промысла» (Беседы о Севере России... С. 86).

6 [Латкин В.Н.] Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1853. С. 2.

7 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1050. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

8 [Студитский Ф.Д.] История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. С. 75.

ской историографии, объяснявшей самоотверженность «ревнителей Севера» «прогрессивными чертами, свойственными буржуазии в период ее борьбы за развитие нового капиталистического способа производства»⁹. В постсоветской историографии, явно симпатизирующей российскому купечеству, они стали едва ли не агиографическими персонажами, изображавшимися как образцовые представители национального предпринимательства, ориентированного на «отложенный спрос и общественный интерес» [Туман-Никифорова 2018: 114]. Схожим образом «ревнители Севера» оцениваются и в восприимчивой к арктической романтике зарубежной историографии [Хёсли 2021: 574–584; Armstrong 1952: 4–9; McCannon 1998: 18], «великими северными меценатами» назвал их швейцарский исследователь Эрик Хёсли [Хёсли 2021: 584].

В 2023 году, к 200-летнему юбилею Сидорова, в городе Мезень Архангельской области прошли посвященные ему IV Межрегиональные научные Поморские чтения [Поморские чтения 2023], а в Новосибирске – Всероссийская научная конференция «“Замечателен по многостороннему уму, предприимчивости, деятельности, неистощимой изобретательности”: предприниматель на русском фронтире (к 200-летию со дня рождения купца, благотворителя, “ревнителя Севера” Михаила Константиновича Сидорова)». Как справедливо заметил красноярский историк А.Е. Гончаров, в последние годы, наряду с откровенно апологетическими работами, посвященными «ревнителям Севера», появились и критические исследования,

авторы которых с большей долей критики относятся к Михаилу Константиновичу и его деятельности. Обсуждается, в частности, его увлечение различными конспирологическими сюжетами – порой совершенно надуманными «сговорами» иностранцев с российским чиновничеством, нацеленными на дискредитацию северных проектов, в частности Северного морского пути. Ставится под сомнение проработанность многих предложений М.К. Сидорова. И действительно, при близком приближении обнаруживается, что большая часть из них абсолютно не реалистична. Это стало одной из главных причин того, что ни один из масштабных проектов не был доведен им до конца [Гончаров 2023: 9].

Следует заметить, что Латкин и Сидоров были не единственными и далеко не первыми дельцами, обратившимися к добыче северных богатств и обустройству путей их экспорта. Они сами называли себя последователями архангельского кораблестроителя В.А. Попова (1776–1848), судовладельца И.С. Вавилова (?–1856); одного из авторов проекта Полярной компании И.А. Богуслава (более известного под псевдонимом Осип Беломорский), «который едва ли не первый ратовал... за наших поморов, за естественные богатства нашего Севера, и хлопотал о развитии морских и других промыслов и мореходства на Севере»¹⁰. Свой проект «о заморской торговле в Сибири, через реку Печору, с открытием порта на ней» предлагал «вологодский гражданин» А.И. Деньгин

9 [Визе В.Ю.] История исследования советской Арктики: Баренцево и Карское моря. Архангельск: Северное издательство, 1932. С. 102.

10 Беседы о Севере России... С. 40–41. По некоторым сведениям, Сидоров вдохновлялся примером своего дяди Ксанфия Сидорова, организовавшего в 1837 году при поддержке товарища министра внутренних дел А.С. Строганова предприятие по продаже леса на Северной Двине ([Зенов П.М.] Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стражи интересов Севера России. С. 2).

[Комлева 2022]. Однако именно Латкин и Сидоров стали первыми, как бы мы сейчас могли сказать, публичными фигурами северной коммерции. Благодаря своему авторитету деловых людей, энтузиазму и вкусу к *publicity*, они обеспечили себе репутацию страстных «ревнителей Севера». Их экспедиции в «подполюсные страны» (выражение Сидорова¹¹) воспринимались современниками как чудачество, граничащее с безумием¹². Но они не были безумными, они были дерзновенными, как говорил Санча Панса о своем господине. Впрочем, неверно было бы видеть в «ревнителях Севера» и донкихотов: все их действия строились на коммерческих расчетах. В 1860-е годы, умело используя возможности зарождавшихся в пореформенной России институтов общественной жизни, Латкин и Сидоров бросили все силы на то, чтобы заинтересовать своими проектами высшую имперскую бюрократию, деловые круги и общественность, найти сторонников, сформировать вокруг себя солидарную сеть. Они экспонировали добываемые ими северные «сырые произведения» на сельскохозяйственных, мануфактурных и художественно-промышленных всероссийских и международных выставках¹³, участвовали в организации и деятельности переживавших в это время период расцвета предпринимательских и научно-общественных ассоциаций, активно публиковались в центральной периодической печати, выступали с публичными лекциями. Во второй половине 1860-х и в 1870-е годы, «чтобы обратить внимание на богатства Севера и содействовать развитию там промыслов», М.К. Сидоров прочел 102 доклада в Обществе для содействия русской промышленности и торговли; 65 докладов в Обществе для содействия русскому торговому мореходству; 15 докладов в Императорском русском географическом обществе (ИРГО); 8 докладов в Императорском вольном экономическом обществе (ИВЭО) и 3 доклада в Императорском техническом обществе¹⁴.

«Северные умы» представляли собой специфическое направление «русского северянства», определяемого автором данного термина, философом А.А. Кара-Мурзой, как восходящая к М.В. Ломоносову и Г.Р. Державину литературно-философская традиция, идентифицирующая Россию как «Север» [Кара-Мурза 2016; 2017]. В основе «северянства» Латкина и Сидорова, отнюдь не чуждого литературным формам и перформативным жестам (достаточно вспомнить устраиваемые Сидоровым в его петербургском доме «северные вечера»¹⁵), лежала прежде всего торгово-промышленная прагматика. В 1860-е годы, проиграв иностранным конкурентам, они пришли к выводу, что успех отечественных частных северных компаний невозможен без под-

11 [Сидоров М.К.] Проект купца Сидорова о заселении Севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири. Тобольск: Тип. Губернского правления, 1864. С. 12.

12 Как замечал в своих воспоминаниях П.А. Кропоткин, бывший в то время секретарем Отделения физической географии ИРГО, петербургское высшее придворно-чиновничье общество, которое Сидоров так желал заинтересовать темой Севера, находило последнюю слишком «провинциальной»: «Бедного Сидорова просто поднимали на смех» ([Кропоткин П.А.] Записки революционера. СПб.: Свободная мысль, 1906. С. 193).

13 [Сидоров М.К.] Труды для ознакомления с Севером России. СПб.: Тип. Д.И. Шеметкина, 1882. С. 8–14.

14 Там же. С. 301–321.

15 [Студитский Ф.Д.] История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. С. 121.

держки государства, которой они затем безуспешно добивались более двух десятилетий. Их деятельность на этом направлении выражала собой отмеченную Ханной Арендт характерную для эпохи грюндерства «тенденцию превращать бизнес в политический вопрос и отождествлять экономические интересы сравнительно небольшой группы с национальными интересами как таковыми» [Арендт 1996: 310].

Борьба «ревнителей Севера» за государственную протекцию для их коммерческих проектов аргументировалась посредством тезиса о внешней угрозе северным пределам страны. В частности, слабость российского северного предпринимательства перед лицом норвежских, немецких и английских промышленников объяснялась не технологической отсталостью первого, но агрессивным экспансионизмом последних. Из этого корня развивалась антииностранная и конспирологическая риторика Латкина и Сидорова, сближавшая их с активно формирующейся в начале 1860-х годов оппозицией либеральным реформам [Агапов 2019]. В условиях, когда институциональные основы общественной жизни в Российской империи только формировались, дефицит концептуальных понятий и риторических приемов восполнялся обращением к истории, из которой заимствовался язык для обсуждения актуальных общественно-политических проблем [Курилла 2022: 40]. Для пробовавших себя на общественном поприще золотопромышленников, не получивших, в отличие от профессиональных публицистов, классического — тем более университетского — образования и потому не имевших возможности использовать философскую терминологию, популярное историческое знание служило основным источником постулатов, доказательных примеров и авторитетных ссылок. Ключевой фигурой с этой точки зрения для «ревнителей Севера» был Петр Великий. Латкин и Сидоров позиционировали себя продолжателями его «дела», которое, в свою очередь, интерпретировалось ими как программа комплексного частно-государственного освоения Севера России. Это освоение, по их мнению, должно было включать колонизацию отдаленных территорий, развитие путей сообщения и собственного торгового флота. Именно в этом смысле, выступая на собрании ИВЭО 20 марта 1867 года, Латкин заявил: «Мы верим гению Петра Великого»¹⁶.

Спор вокруг оценки роли Петра I в отечественной истории был одной из важнейших дискуссий, формировавших поле российской общественно-политической жизни вплоть до начала XX века [Валицкий 2019: 51]. В 60—70-е годы XIX века он актуализировался в связи с началом эпохи Великих реформ и предстоящим 200-летним юбилеем Великого реформатора. «Ревнители Севера» позиционировали себя как «практиков», далеких от «теоретических» дискуссий. Вместе с тем их проекционистская программа, антииностранная риторика и склонность объяснять свои неудачи тайными происками англичан¹⁷ сближала «ревнителей» с консервативными националистами, группировавшимися вокруг издателя влиятельного «Русского вестника» М.Н. Каткова [Котов 2022]. Последний сыграл важную роль в продвижении Латкина и Сидорова как общественных деятелей [Перевалова 2017]. 9 октября 1865 года доверенное лицо Каткова в Санкт-Петербурге, чиновник и публицист Б.М. Мар-

16 Беседы о Севере России... С. 76.

17 [Сидоров М.К.] Картины из деяний Петра Великого на Севере. СПб.: Тип. Я. Трея, 1872. С. 50—52.

кевич (1822–1884) [Перевалова 2019: 135] известил своего патрона: «Сегодня был у меня Сидоров, известный предпримчивый промышленник... по-видимому, очень хороший и весьма толковый человек, всюду побывавший и одаренный совершенно американским духом предпримчивости»¹⁸. Сидоров передал Маркевичу для «Русского вестника» записки о своем путешествии вдоль побережья Белого моря летом 1865 года. После литературной обработки записок, выполненной Маркевичем по просьбе Сидорова, признававшегося, что «он писать не мастер»¹⁹, они были опубликованы Катковым в «Русском вестнике» (под одной обложкой с главами романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») в виде статьи «Север России»²⁰.

Уже в первой своей программной публикации Сидоров ссыпался на «времена возникновения фабричной и заводской промышленности в России, т.е. времена Петра 1-го» как пример для обоснования необходимости широкой государственной поддержки частного предпринимательства в деле оживления «северной части России и Сибири»:

Великий преобразователь давал все возможные льготы фабрикантам и заводчикам и этим только можно объяснить быстрое развитие у нас горнозаводской и разных фабричных и мануфактурных промышленностей. <...> Тогдашняя Россия, в которой заводились фабрики и непроходимые леса Пермской и Оренбургской губернии, где образовались горные заводы, была в таком же диком состоянии, в каком ныне находится север²¹.

Два года спустя в «Севере России» Сидоров сформулировал свою историко-культурную концепцию, осевой фигурой которой был первый российский император. Суть этой концепции с присущей ему лаконичностью передал Маркевич в письме Каткову: «Все, что великою рукою Петра насажено и основано там [в Белом поморье]: серебр., золотые, чугунные заводы, а главное — купеческий флот — не существуют, а все что еще не окончательно погибло, то систематически разрушается»²². Этот алармистский тезис, постоянно воспроизведившийся Сидоровым в его сочинениях и выступлениях, был наглядно представлен им в книге «Картины из деяний Петра Великого на Севере» в виде сравнительной таблицы (илл. 1).

Отмечавшийся в это время многими современниками упадок на севере страны отечественных промыслов и дальней морской торговли происходил на фоне вызывавшей не меньшую озабоченность «северных умов» иностранной экономической экспансии в Баренцевом, Белом и даже Карском морях²³. Действительно, во второй половине XIX века Россия, и ее Северный край в особенности, «имела такие черты, которые делали ее до некоторой степени похожей на колонию», это была обычная «цена, которую периферия платит

18 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 120. Папка 25. Ед. хр. 3. Л. 102, 105.

19 Там же. Л. 103.

20 [Сидоров М.К.] Север России // Русский вестник. 1866. Т. 63. № 5. С. 88–124; № 6. С. 697–741.

21 [Сидоров М.К.] Проект купца Сидорова о заселении Севера Сибири... С. 26.

22 НИОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Ед. хр. 3. Л. 103.

23 [Беломорский О.] Исторический взгляд на Варангерское поморье // Морской сборник. 1862. Т. LXII. № 10. С. 279–294; [Сидоров М.К.] Картины из деяний Петра Великого на Севере. С. 67–68.

Первый 70 летъ	Вторых 70 летъ	Торговый балансъ	Торговый балансъ
по смерти Великаго Монарха, съ 1727 по 1797 годъ.	послѣ смерти Великаго Монарха, съ 1797 по 1872 годъ.	Пришло кораблей 450,	Пришло кораблей 761
36 русскихъ торговыхъ домо-вът, а именно:	3 иностраннаго торговыхъ кон-торы;	Привозъ иностраннаго тов-аровъ на сумму 275000 р. ас.	Привозъ иностраннаго тов-аровъ на сумму 500000 р.
Попова, Дорофеева, Стука-чева, Лыжникъ, Амосова, Ласкина, Анкудинова, Мен-сендева, Родде, Кордеса, Кин-суса, Попова-Веденского, Мар-варова, Ягодникова, Митропо-лова, Козлова, Сушкина, Хан-жина, Сѣнинкова, Николая Митрополова, два дома Шап-кинскихъ, два дома Рыбнико-выхъ, Никифорова, Сѣнинко-ва, два дома Давыдовыхъ, Юди-на, два дома Захаровыхъ, Ка-ледина, Машковицна, Анифла-това, Платунова и Фанбринъ.	(всѣ язы русскихъ конторъ перенесли въ руки иностраннаго коми-ссионеровъ);	Отпускъ товаровъ на 550000 руб. ас.	Отпускъ товаровъ на 11.000000 р. сер.
7 купеческихъ верфей:	а) Кларкъ, Морганъ и К°.	Весь барышъ отъ привоза и отпуска оставался въ рукахъ	Весь барышъ отъ привоза и отпуска остается въ рукахъ иностраннаго купцовъ!!
Баженина, Крылова, Бармина, Зыкова, Прутгавина, Амосова и Попова.	б) Фонтинаса и К°.	Промысла:	Промысла:
1 военная гавань.	в) Браунъ и К°.	Трековый промысел — 10000 человѣкъ.	Трековый промысел — 2000 человѣкъ.
1 бирга Петровская.	Упразднена въ 1862 году.	Китоловный,	
1 монетный дворъ.	Закрыта въ 1811 году.	Жемчужинъ ловли,	Прекращены.
458 купеческихъ капиталовъ въ Архангельской губерніи.	Скрыта до основанія.	Добчи золота,	
	116 капиталовъ (1862г.) мел-кихъ городскихъ торговыхъ: мясниковъ, рыбаковъ, бакалей-щиковъ, брачовщиковъ, макре-ровъ и другихъ, состоявшихъ на послушахъ у 3-хъ иностранн-ныхъ конторъ.	„ серебра,	
	(Такимъ образомъ въ течениі 70 лѣтъ изъ 458 капиталовъ упраз-днѣлось 342 капитала).	„ мѣди,	
		„ жѣлѣза,	
		„ нефти	
		Соли — 64 завода.	Остается теперь 15, на ко-торыхъ получается соли толь-ко на 10000 руб.
		(Въ 1772г. въ ономъ Ненокскомъ посѣлѣ было выпрошено соли 134000 пуд., а въ 1832г. уже въ Архан-гельской губерніи едва представи-ла 118195 пуд.).	
		Жители Архангельской губ-ерніи не пуждались въ помо-щи правительства.	Такъ какъ жители терпѣли
			голодъ, то правительство выда-вало имъ хлѣбъ въ ссуду и ны-нѣ хлѣбомъ недоимки прости-раются до 1 миллиона рублей.
		Число жителей въ Архан-гельской было 25000 человѣкъ.	Число жителей въ Архан-гельской нынѣ 19000 человѣкъ.

Илл. 1. Сравнительная таблица развития северных промыслов в 1727–1797 и 1797–1872 годах. Источник: Сидоров М.К. Картины из деяний Петра Великого на Севере. СПб.: Тип. Я. Трея, 1872. С. 18–19.

за успешную интеграцию в [мировую] экономическую систему» [Валлерстайн 2016: 175–176; Плат 2015: 14]. Однако «ревнители Севера» не воспринимали глобальный контекст международных отношений и его эффекты. Для объяснения наблюдаемых процессов у них не нашлось другого языка описания, кроме конспирологического, в чем проявлялось их родство с «партией» Каткова. «Недаром чует ваше русское сердце далеко расходящуюся интригу, стремящуюся расшатать и раздробить наше бедное отечество», — писал Маркевич М.Н. Каткову, представляя «тревожные сведения» Сидорова об экономическом положении в Белом поморье²⁴.

В условиях, когда вектор российской политики был направлен на юг, привлечь внимание высоких правящих кругов к проблемам «дальнего севера» было крайне сложно. Именно в этой ситуации Сидоров стал активно использовать образ Петра I. Обращение к интерпретируемому в «северянском» духе идейно-политическому наследию первого русского императора было призвано усилить риторическую влиятельность аргументации «ревнителей Севера». Программа Латкина — Сидорова строилась на принципах кромвелевского Навигационного акта (Navigation Act) 1651 года, а говоря точнее — воспроизвела его полностью пункт за пунктом²⁵. Строгий государственный протекционизм, развитие «собственного кораблестроения и купеческого флота», поощрение отечественного мореплавания «или уступкою пошлин, или выдачею

24 НИОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Ед. хр. 3. Л. 103.

25 [Латкин В.Н.] О наших промышленных делах. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. С. 82–85.

премий»²⁶ — все эти меры должны были, по мысли Латкина и Сидорова, снять со страны «тяжелое иго торговой зависимости»²⁷. Петр I изображался ими как русский Кромвель (сравнение, разумеется, касалось только экономической сферы), то есть как защитник, «ангел-хранитель» отечественных торгово-промышленных интересов перед лицом иностранцев²⁸. В «Картинах из деяний Петра Великого на Севере» Сидоров приводит ряд исторических анекдотов, свидетельствующих о том, как Петр I неизменно отклонял грозящие подрывом российской экономике коммерческие предложения «хитрых голландцев»²⁹. Интерпретируемая таким образом политика Петра I противопоставлялась М.К. Сидоровым как пример, достойный подражания современному ему правительству курсу, нацеленному на поощрение свободной торговли и привлечение в страну иностранных предпринимателей и капиталов:

Уверяют, что без содействия иностранцев русские не могут ничего сделать, — нужно, говорят, привлечь иностранные капиталы, а этого только и боялся Великий Преобразователь России. Имеем ли мы право требовать, чтобы иностранцы с самоотвержением заботились о выгодах нашего отечества и отказывались бы от собственных выгод? Сколько я понимаю, каждое правительство должно более всего заботиться о выгодах своих жителей, а потом уже о выгодах других³⁰.

Опасаясь «полного закабаления» Белого поморья иностранцами, «ревнители Севера» категорически отвергли любые варианты зарубежного инвестирования, рассчитывая привлечь, по выражению редактора печатного органа Общества для содействия русской промышленности и торговли В.Л. Долинского, «сколько можно русские капиталы к нашему русскому кровному делу»³¹. Долинский, Латкин, Сидоров и их сторонники искренне верили, что этот принцип лежал в основе Петровских реформ, и настаивали на его претворении: «Влияние великих людей обнаруживается не тотчас, а часто после нескольких поколений. В этом-то и заключается их гений, что они высказывают мысли и принимают такие меры, которые доставляют благосостояние отдаленному потомству»³².

В то время как С.М. Соловьев в публичных чтениях о Петре Великом в московском Благородном собрании называл увлечения молодого царя Северным океаном юношескими «потехами», «мечтами» и «грезами», от которых по-взрослевший Петр отказался, чтобы «заниматься настоящим, текущим делом», то есть борьбой за выход сначала к Черному, а затем к Балтийскому морям³³, «ревнители Севера», напротив, были убеждены в серьезности намерений Петра I относительно Северного края:

Петр Великий, желая оживить наш Север, сблизить его с Европой и сделать свое государство морскою державой, в 1693 г. сам посетил Архангельск, основал адми-

26 Там же. С. 96; Беседы о Севере России... С. 85.

27 Беседы о Севере России... С. 76.

28 [Сидоров М.К.] Картины из деяний Петра Великого на Севере. С. 48.

29 Там же. С. 41–45.

30 Там же. С. IX.

31 Беседы о Севере России... С. 165.

32 [Сидоров М.К.] Картины из деяний Петра Великого на Севере. С. 17–18.

33 [Соловьев С.М.] Публичные чтения о Петре Великом. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1872. С. 42.

ралтейство, спустил первый военный корабль на Белом море, названный С. Петр, и заложил Новодвинскую крепость для защиты города со стороны моря³⁴.

Что Петр I дорожил северными окраинами нашего отечества, служит доказательством то, что он для исследования их посыпал морских офицеров: одни из них отправлены были от устьев Лены, Индигирки и Колымы к востоку, подле северных берегов Сибири, — с тем, не могут ли пройти в Тихое море; а другие из Камчатки, на северо-запад, навстречу первым для исследования тамошних морей. <...> Три раза [Петр I] плавает по Белому морю, и один раз входит и в Северный океан...³⁵

Петр I изображался в этой связи прежде всего как защитник северных пределов империи. «Ревнители Севера» считали недопустимым иностранное рыболовство и зверобойный промысел «на прибрежьях Северного моря и его островах и в особенности в Карском море»³⁶. Они выступали за отмену решения правительственной комиссии 1868 года, позволявшего «иностранцам заниматься морскими промыслами в наших северных морях в расстоянии 10 верст от берега»³⁷. Для защиты северных акваторий предлагалось «завести» там военные корабли³⁸. Эти требования подкреплялись авторитетом Петра I, который, как утверждал Сидоров со ссылкой на автора «Северной и Восточной Тартарии» Николааса Витсена, «предполагал основать на Новой Земле крепость, как постоянный пункт, где сосредоточивались бы военные силы, как для защиты русских промышленников, так и для охранения интересов русского государства от иностранцев»³⁹.

Образ Петра I имел чрезвычайно важное значение для продвижения «ревнителями Севера» ключевого пункта их программы — возрождения отечественного торгового флота, способного успешно конкурировать с торговыми флотами других стран. «Великий Петр создал купеческий флот и дал купеческий флаг», — писал корабельный инженер, полковник, член Технического комитета Морского министерства П.А. Богославский⁴⁰. Соответственно, возрождение торгового флота мыслилось «северными умами» через возрождение протекционистских принципов петровской политики. Латкин считал эпоху Петра I золотым веком отечественного кораблестроения и мореплавания, когда они «поощрялись государем, законы были устремлены к развитию этого промысла, уступалась половина пошлин за привозимые и отвозимые товары; под его (Петра I. — М.А.) покровительством учреждались компании, сам он участвовал в них»⁴¹. Возрождение такого союза купечества и государства «ревнители Севера» называли важнейшим условием «оживления» северных окраин. Его образцом им представлялась описанная известным этнографом-очеркристом С.В. Максимовым «дружба» первых архангельских купцов-кораблестроителей.

34 [Сидоров М.К.] Север России // Русский вестник. 1866. Т. 63. № 6. С. 710.

35 [Сидоров М.К.] Картины из деяний Петра Великого на Севере. С. 22, 49.

36 Там же. С. 69.

37 Там же. С. 78; [Студитский Ф.Д.] История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. С. 51, 114.

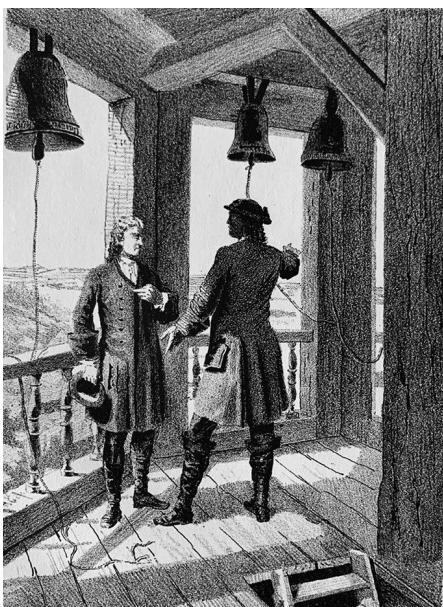
38 [Митрополова Е.С.] Нужен ли нам крейсер в Северном океане для охранения и разведения там русской промышленности и торговли. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883.

39 [Сидоров М.К.] Картины из деяний Петра Великого на Севере. С. 21.

40 [Богославский П.А.] О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб.: Морское министерство, 1859. С. II.

41 Беседы о Севере России... С. 86.

строителей Осипа и Федора Бажениных с Петром I, который трижды посещал их верфь и даровал им и их потомкам на берегах Северной Двины лесную дачу в 2470 десятин⁴² (илл. 2). Примечательно, что права потомков Бажениных на владение ею были окончательно утверждены Сенатом только в 1862 году. Наследницей Бажениных была супруга Латкина — Е.Н. Латкина (урожденная Баженина). После смерти мужа она, по свидетельству Сидорова (женатого на дочери Латкиных Ольге Васильевне), планировала «по примеру своих предков заняться кораблестроением и отпуском лесов и сделать закладку корабля ко дню празднования 200-летия Петра I»⁴³.

Илл. 2. Петр I жалует Баженина, первого кораблестроителя в России.

Источник: Сидоров М.К. Картины из деяний Петра Великого на Севере.

Спб.: Тип. Я. Трея, 1872. С. 183.

быть, и там возбудится промышленная деятельность»⁴⁶. В 1860-е годы связь судеб Архангельска и Петербурга горячо дебатировалась на собраниях «ревнителей Севера». Вспоминая об указе Петра I от 4 апреля 1722 года, «потребовавшем страшной жертвы от Архангельска Петербургу» — «жертвы, остающейся до сих пор не оплаченою!», — В.Л. Долинский в своем выступлении 12 марта 1867 года в ИВЭО под громкие и продолжительные рукоплескания

Стремясь «возбудить торговую и промышленную деятельность в северных краях»⁴⁴, «ревнители» не могли игнорировать тот общеизвестный факт, что упадок отечественных промыслов и мореходства на Белом пomerье был прямым следствием политики Петра I [Плат 2015: 11, 14]. Все большая, начиная с XVIII века, концентрация внутренних торговых потоков в направлении Петербурга и перенос всей внешней торговли из Архангельска в новую столицу указом Петра I от 4 апреля 1722 года привели к закату «в России [одного] из первых торговых мест» — Архангельска, по определению П.И. Челищева⁴⁵. Мечта о возрождении Белого пomerья никогда не оставляла «северные умы». Отправляясь 13 июня 1843 года из Петербурга в свое второе путешествие по Печоре, Латкин записал в дневнике: «...оставляю берега Невы и направляюсь к пустынным берегам Печоры. Когда-то и здесь была пустыня; когда-нибудь, может

42 [Максимов С.В.] Год на Севере: В 2 т. Том I. Белое море и его прибрежья. СПб.: Издание книгопродавца Д.Е. Кожанчикова, 1859. С. 476.

43 [Сидоров М.К.] Картины из деяний Петра Великого на Севере. С. 12.

44 [Сидоров М.К.] Проект купца Сидорова о заселении Севера Сибири... С. 10.

45 [Челищев П.И.] Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. С. 87.

46 [Латкин В.Н.] Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. С. 31.

высказал надежду — как показало время, тщетную — что теперь «благодарный Петербург сделает честный расчет с Севером, и сам возмужав и достигнув величия, выскажет свое горячее сочувствие на пользу Северу»⁴⁷.

Высшей точки интенсивности коммеморация петровского наследия «ревнителями Севера» достигла в связи с празднованием летом 1872 года 200-летнего юбилея Петра I. На посвященной ему Московской политехнической выставке, проходившей с 30 мая по 1 сентября, помимо традиционного для такого рода мероприятий экспонирования образцов северных «сырых произведений» (графит; лиственничный лес в деревьях, брусьях и досках; чучела северных животных и птиц и т.д.) с целью «обратить внимание моих соотечественников на наш север и возбудить в них желание употребить капиталы на такие выгодные промыслы, какие едва ли где можно отыскать»⁴⁸, Сидоров внес существенный вклад в формирование экспозиции исторического отдела выставки. По его заказу художники В.И. Суриков и П.А. Ивачев изготовили 12 рисунков, изображающих «картины из деяний Петра Великого на Севере», сюжеты для которых были взяты из труда И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам»⁴⁹. Все вместе эти рисунки складывались в своеобразный графический роман. В выпущенной к открытию выставки книге «Картины из деяний Петра Великого на Севере» М.К. Сидоров сопроводил рисунки пространными комментариями, в которых первый российский император изображался как первый «ревнитель Севера»⁵⁰.

В геолого-минерalogическом отделе выставки был установлен выполненный по заказу М.К. Сидорова

памятник Петру Великому из графита, по виду точно такой, как пред Сенатом, а вышины всадник со скалою 1 арш. 10 вершк. Он поставлен на пьедестал, который окружен графитными глыбами от 3 до 7 пуд, а также большими тиглями, не бывшими и бывшими в употреблении на Обуховском сталелитейном заводе, двухаршинными карандашами и порошком графита в больших цилиндрических банках⁵¹.

Графит, использованный для изготовления копии Медного всадника, был добыт из открытого М.К. Сидоровым в 1861 году крупного графитового месторождения на притоках Енисея — Нижней Тунгуске и Курейке. С этого момента и до конца своей жизни предпримчивый золотопромышленник был занят в первую очередь поиском путей для экспорта графита⁵². Его транспортировка

47 Беседы о Севере России... С. 11.

48 [Сидоров М.К.] Картины из деяний Петра Великого на Севере. С. VI.

49 Там же.

50 Возможно, книга была издана специально для участия в объявленном организаторами Московской политехнической выставки конкурсе книги о Петре I для народного чтения (см.: Вестник Московской политехнической выставки. 1872. 15 июля). Впрочем, никаких наград книга не получила, но удостоилась благодарностей от императора Александра II, цесаревича великого князя Александра Александровича и великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 270. Оп. 3. Д. 77. Л. 15).

51 [Сидоров М.К.] Картины из деяний Петра Великого на Севере. С. 163.

52 Записка корреспондента В.Э. [Вольного Экономического] Общества М.К. Сидорова о занятиях его в 1861 и 1862 годах по исследованию и развитию в промышленном и торговом отношениях Туруханского края // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1863. Т. 2. С. 171—176.

сухопутным путем оказалась чрезвычайно затруднительной. 12 июня 1862 года Сидоров предложил вице-председателю ИРГО адмиралу графу Ф.П. Литке принять от него премию в 14 тысяч рублей, которую ИРГО должно было вручить за открытие морского пути через Ледовитый океан в Сибирь «владельцу первого корабля, который войдет в устье Енисея»⁵³. Адмирал Литке, исследовавший в 1821–1824 годах акваторию и острова Белого и Баренцева морей и сам безуспешно пытавшийся пройти через Карское море к устью Оби на парусном бриге «Новая Земля», заявил, что установление морского сообщения с Сибирью «принадлежит к числу вещей невозможных»⁵⁴. В 1875 году шведский мореплаватель и ученый Нильс Адольф Эрик Норденшельд опроверг это утверждение, пройдя из Тромсе к устью Енисея на судне «Превен». В 1878–1879 годах он осуществил первое сквозное плавание вдоль евразийского побережья Северного ледовитого океана на пароходе «Вега».

Отношение российской общественности к Норденшельду было смешанным. С одной стороны, мореплаватель и ученый встретил в России горячий прием. Важно отметить, что сибирское купечество в лице Сидорова, Сибирякова и Трапезникова оказывало всестороннюю, в том числе и финансовую, поддержку Норденшельду [Пасецкий 1979: 124–152]. В то же время даже самые восторженные его почитатели высказывали сожаление, что столь важное для России географическое открытие было сделано не российским, но иностранным подданным. Ущерб «национальной гордости» до некоторой степени компенсировался посредством двух риторических стратегий. Во-первых, утверждалось, что успех Норденшельда опирался на достижения российских мореплавателей, а сама задача открытия Северо-Восточного прохода была сформулирована Ломоносовым. Во-вторых, ответственность за «уступку открытия» возлагалась на чиновников — глав северных губерний и отдельные министерства, в первую очередь Морское, — не разглядевших возможности перспективного торгового пути и не приложивших усилий для его исследования. Не удивительно, что в это время в публицистике «северных умов» бурный отклик получила состоявшаяся тогда же — в 1875 году — первая публикация относящейся к 1616–1618 годам переписки царя Михаила Федоровича и тобольского воеводы князя Ивана Семеновича Куракина⁵⁵. Документы подтверждали существование в допетровскую эпоху так называемого Мангазейского морского хода из Поморья в Обскую губу, который, впрочем, в начале 20-х годов XVII века был закрыт по инициативе князя Куракина. Довод тобольского воеводы заключался в угрозе захвата поморской дороги в Сибирь иностранными купцами. С самого момента публикации переписка царя Михаила Федоровича и князя Куракина активно использовалась «ревнителями Севера» как аргумент от противного в пользу развития торговли по Северному морскому пути. Широкое хождение получил тезис о том, что Норденшельду не при-

53 РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–3.

54 Отзыв о записке г. Сидорова Ф.П. Литке // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1863. Т. 2. С. 176.

55 Отписки Тобольских воевод царю Михаилу Федоровичу о путях сообщения из Мангазеи на Русь — Царские грамоты означенным воеводам о принятии мер, чтобы Немецкие люди не узнали дороги в Сибирь, для чего объявить торговым и промышленным людям, чтобы они с Немецкими людьми не торговали (1616, февраля 6 — 1624, июня) // Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб.: Археографическая комиссия, 1875. Стб. 1049–1075.

шлось бы открывать «морской путь из Европы в Сибирь», если бы в XVII веке последний не был закрыт благодаря князю Куракину.

«Ревнители Севера» были убеждены, что в петровской России Мангазейский морской ход — не будь он закрыт раньше — служил бы важнейшим каналом северной торговли⁵⁶, однако в ноябре 1885 года в поздравительном письме Трапезникову по случаю 25-летия его коммерческой деятельности в Москве Максимов, работавший тогда «над сибирскими актами Петровских времен, предназначенными археографической комиссией для 2 тома Памятников Сибирской истории», счел нужным сообщить:

В одном из этих актов Петр I, к удивлению, повторяет запретительный указ темных времен подозрительной московской политики, не дозволяющий, из боязни иноземцев, плавание из Белого моря в Ледовитый Сибирский океан, успешно начатое северными промышленными людьми, родоначальниками сибирских купеческих родов. Этот указ почти на два с половиною столетия оттянул решение одного из важнейших вопросов. Я бы не остановился сам и не остановил Вашего внимания на этом акте в настоящее время, если бы... Ваше достойное имя не стояло первым в осуществлении запрещенного и заброшенного великого дела — непосредственного сближения Европы с Сибирью через Обь⁵⁷.

Как всякая публичная история, рассмотренные примеры коммеморации петровского наследия «ревнителями Севера» были сконцентрированы не столько на самом знании о прошлом, сколько на том, как это прошлое могло быть вписано в настоящее [Калинин 2021: 355]. Обращение к действиям Петра I было для Латкина, Сидорова, Долинского и других одним из способов риторической инструментализации своих аргументов, чтобы «обратить внимание соотечественников на наш север и возбудить в них желание употребить... свои капиталы на развитие там промыслов»⁵⁸. При этом они выстраивали собственную версию национального исторического нарратива, в которой Петра I представлялся «Великим Преобразователем», не успевшим воплотить свои замыслы. Основой петровской политики «ревнители Севера» считали «русские интересы» и «патриотический протекционизм», к соблюдению которых, согласно их надеждам, Россия могла вернуться «по воле второго преобразователя нашего отечества», то есть Александра II⁵⁹.

Такое понимание «дела» Петра Великого во многом совпадало с восприятием исторической роли первого российского императора консервативными националистами, группировавшимися вокруг Каткова. Однако риторическая игра последнего была заметно тоньше. Полемически сопоставляя преобразования Петра I с реформами 60-х годов XIX века, Катков отмечал, что «преобразователь совершил великие дела, но не достиг своей высшей цели» потому, что «хотел насадить у нас науку как начало всякого улучшения, как подспорье всякому полезному делу; но он научил нас только пользоваться плодами чужого труда»⁶⁰.

56 [Сидоров М.К.] Картины из действий Петра Великого на Севере. С. 21–22.

57 [Яковлев П.В.] Описание празднования юбилея 25-летней коммерческой деятельности в Москве Александра Константиновича Трапезникова 3-го ноября 1885 года. М.: П. Яковлев, 1886. С. 28.

58 [Сидоров М.К.] Картины из действий Петра Великого на Севере. С. VI.

59 Там же. С. 32, 52.

60 [Катков М.Н.] Общий очерк борьбы за учебную реформу // Московские ведомости. 1871. 4 июля. № 144. С. 2.

Этим путем, по мнению публициста, шли и современные ему реформаторы. Лишь в 80-е годы XIX века, когда началась консервативная ревизия проведенных при Александре II реформ, Катков заявил, что теперь последние «могут удовлетворить наши народные потребности, обеспечить порядок и свободу внутри государства, его достоинство среди других держав»⁶¹. «Ревнители Севера» высказывались более прямолинейно. Фигура Петра I служила для них своего рода знаменем, под которым они могли собирать сторонников. Присыпывая свои идеи Петру I и интерпретируя его действия в «северянском» ключе, Латкин и Сидоров изображали царя-реформатора как первого «ревнителя Севера», а себя — продолжателями его трудов.

Посредством «возрождения» частно-государственного партнерства они хотели переиграть историю: по их замыслу, Россия должна была повторить путь Англии, который та прошла с момента принятия Навигационного акта 1651 года. Этим же путем, по их мнению, вел страну и Петр I. Но даже если бы в России второй половины XIX века был принят аналогичный документ, он не привел бы к желаемым результатам. Как отмечал Д. Норт, «случайные исторические тропы, которыми проследовали эти три страны (Великобритания, Франция и США. — *M.A.*), уже никогда не повторятся в последующих переходах. Не в последнюю очередь это связано с тем, что опыт первых переходов изменил наше мышление о мире» [Норт 2011: 328]. Стремление Латкина, Сидорова и Долинского восстановить «благосостояние» Северного края на автаркических началах едва ли соответствовало принципам петровской экономической политики, а кроме того шло вразрез с общемировой тенденцией к росту глобализации и взаимозависимости [Wallerstein 2000].

Библиография / References

[Агапов 2019] — Агапов М.Г. «Заговор» против Севера России: национализация предпринимательского дискурса в 60-е гг. XIX в. // Ab Imperio. 2019. № 4. С. 73—96.

(Agapov M.G. "Zagovor" protiv Severa Rossii: na-tsionalizatsiya predprinimatel'skogo diskursa v 60-e gg. XIX v. // Ab Imperio. 2019. No. 4. P. 73—96.)

[Арендт 1996] — Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996.

(Arendt H. The Origins of Totalitarianism. Moscow, 1996. — In Russ.)

[Валицкий 2019] — Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

(Walicki A. W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Moscow, 2019. — In Russ.)

[Валлерстайн 2016] — Валлерстайн И. Мир-система Модерна: В 4 т. Т. III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730—1840-е годы / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016.

(Wallerstein I. The Modern world-system: In 4 vols. Vol. III. The second era of great expansion of the capitalist world-economy, 1730—1840. Moscow, 2016. — In Russ.)

[Гончаров 2023] — Гончаров А.Е. Россия в Арктике: История изучения и освоения (К 200-летию со дня рождения Михаила Константиновича Сидорова). От редактора // Исторический курьер. 2023. № 6. С. 8—10.

61 [Катков М.Н.] Катков М.Н. Наши аномалии и судебная республика // Московские ведомости. 1884. 11 января. № 12. С. 2.

(Goncharov A.E. Rossiya v Arktike: Istorya izucheniya i osvoeniya (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya Mixaila Konstantinovicha Sidorova). Ot redakcii // Istoricheskiy kur'er. 2023. No. 6. P. 8—10.)

[Калинин 2021] — Калинин И. Историческая политика // Все в прошлом. Теория и практика публичной истории / Под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2011. С. 355—376.

(Kalinin I. Istoricheskaya politika // Vse v proshlom. Teoriya i praktika publichnoy istorii / Ed. by A. Zavadskiy, V. Dubina. Moscow, 2011. P. 355—376.)

[Кара-Мурза 2016] — Кара-Мурза А.А. Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII—XIX вв.: Г.Р. Державин // Философские науки. 2016. № 11. С. 121—134.

(Kara-Murza A.A. Rossiya kak "Sever". Metamorfyzatsional'noy identichnosti v XVIII—XIX vv.: G.R. Derzhavin // Filosofskie nauki. 2016. No. 11. P. 121—134.)

[Кара-Мурза 2017] — Кара-Мурза А.А. Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 187—194.

(Kara-Murza A.A. Kontseptsiya "russkogo severanstva" v geroicheskikh odakh G.R. Derzhavina (k voprosu o rossiyskoy identichnosti) // Politicheskaya kontseptologiya. 2017. No 3. P. 187—194.)

[Комлева 2022] — Комлева Е.В. Порто-франко северной Одессы: проект А.И. Деньгина 1820—1840-х гг. по освоению устья реки Печоры // Вестник РУДН. История России. 2022. №1. С. 120—129.

(Komleva E.V. Porto-franko severnoy Odessy: proekt A.I. Den'gina 1820—1840-kh gg. po osvoeniyu ust'ya reki Pechory // Vestnik RUDN. Istorya Rossii. 2022. No. 1. P. 120—129.)

[Котов 2022] — Котов А.Э. «Птенцы гнезда Каткова» в конце 1880-х гг.: националисты в империи // Русский сборник: исследования по истории России: 300 лет Российской империи. М.: Модест Коллеров, 2022. С. 224—245.

(Kotov A.E. "Ptentsy gnezda Katkova" v kontse 1880-kh gg.: natsionalisty v imperii // Russkiy sbornik: issledovaniya po istorii Rossii: 300 let Rossiyskoy imperii. Moscow, 2022. P. 224—245.)

[Курилла 2022] — Курилла И.И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022.

(Kurilla I.I. Bitva za proshloe. Kak politika menyaet istoriyu. Moscow, 2022.)

[Норт 2011] — Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера. М.: Институт Гайдара, 2011.

(North D., Wallis J., Weingast B. Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Moscow, 2016. — In Russ.)

[Пасецкий 1979] — Пасецкий В.М. Ниль Адольф Эрик Норденшельд. М.: Наука, 1979.

(Paseckii V.M. Nil's Adol'f Erik Nordenshel'd. Moscow, 1979.)

[Перевалова 2017] — Перевалова Е.В. Проблемы Русского Севера на страницах изданий М.Н. Каткова // Журналистский ежегодник. 2017. № 6. С. 43—49.

(Perevalova E.V. Problemy Russkogo Severa na stranitsakh izdaniy M.N. Katkova // Zhurnalistskiy ezhegodnik. 2017. No. 6. P. 43—49.)

[Перевалова 2019] — Перевалова Е.В. Вокруг М.Н. Каткова: авторы и сотрудники «Русского вестника» и «Московских ведомостей». М.: Изд-во Московского Политеха, 2019.

(Perevalova E.V. Vokrug M.N. Katkova: avtory i sotrudniki "Russkogo vestnika" i "Moskovskikh vedomostey". Moscow, 2019.)

[Плат 2015] — Плат Т. Внутренняя или внешняя колонизация? Цели и средства торговой политики России в XVIII в. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 5—15.

(Plat T. Vnutrennyaya ili vneshnyaya kolonizatsiya? Tseli i sredstva torgovoy politiki Rossii v XVIII v. // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2015. No. 1. P. 5—15.)

[Покок 2018] — Покок Д. The State of the Art // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 142—189.

(Pocock J. The State of the Art // Cambridge School of historiography / Comp. by T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow, 2018. P. 142—189. — In Russ.)

[Поморские чтения 2023] — Поморские чтения: Сб. материалов IV межрегиональных научных «Поморских чтений» 4—5 февраля 2023 г. Мезень, Архангельская область. Архангельск: [Б. и.], 2023.

(Pomorskie chteniya: sbornik materialov IV mezhregionalnykh nauchnykh "Pomorskikh chtenii" 4—5 fevralya 2023 g. Mezen'. Arkhangelskaya oblast'. Arkhangelsk, 2023.)

[Скиннер 2018] — Скиннер К. Значение и понимание в истории идей / Пер. с англ.

Т. Пирузской // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53—122.

(*Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas* (Translated from English by T. Pirusskaya) // Cambridge School of historiography / Comp. by T. Atnashev, M. Veli-zhev. Moscow, 2018. P. 53—122. — In Russ.)

[Туман-Никиторова 2018] — Туман-Никиторова И.О. Открытие Северного морского пути: М.К. Сидоров // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность: материалы Международной научно-практической конференции, 16—17 мая 2018. Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2018. С. 113—117.

(*Tuman-Nikitorova I.O. Otkrytie Severnogo morskogo puti: M.K. Sidorov // Arktika 2018: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo, ekologiya i bezopasnost'*, innovatsionnye tekhnologii i logistika, pravovoe regulirovanie, istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 16—17 maya 2018. Krasnoyarsk, 2018. P. 113—117.)

[Хёсли 2021] — Хёсли Э. Сибирская эпопея / Пер. с фр. Е.Э. Бабаева. М.: Paulsen, 2021. — In Russ.)

(*Höesli E. L'Épopée sibérienne*. Moscow, 2021. — In Russ.)

[Armstrong 1952] — Armstrong T. The Northern Sea Route, Soviet Exploitation of the North-East Passage. Cambridge: Cambridge University Press, 1952.

[McCannon 1998] — McCannon J. Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932—1939. New York: Oxford University Press, 1998.

[Wallerstein 2000] — Wallerstein I. Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000. Vol. 15. No. 2. P. 249—265.